

Е. Е. Ермакович

ПАРАЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

EKATERINA E. ERMAKOVICH

PARALOGICAL METHODS OF LANGUAGE GAME

Статья посвящена риторическим приемам языковой игры, построенным на отклонениях от законов формальной логики. Паралогические риторические приемы классифицированы по видам отклонений. Языковая игра может быть основана на отклонении от любого из законов логики, если она сопровождается отклонениями от языковых норм.

Ключевые слова: законы формальной логики, отклонение от языковых норм, риторические приемы, языковая игра.

The article covers the rhetorical methods of language game which are based on deviations from laws of formal logic. Paralogical rhetorical methods are classified depending on the kind of deviation. Language game may be based on deviation from any law of logic, if it is accompanied with deviations from language norms.

Keywords: laws of formal logic, deviations from language norms, stylistic device, language game.

**Екатерина Евгеньевна
Ермакович**

Магистрант кафедры русского
языка и речевой коммуникации
Института филологии
и языковой коммуникации
Сибирского федерального
университета
► kit-terina@yandex.ru

В рамках антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике вырос интерес к языковой игре. Одним из нерешенных вопросов стали приемы на основе отклонения от логической нормы. По определению А. П. Сковородникова, «языковая игра — такое использование риторических приемов (приемов речевой выразительности), которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических, высказываний, обладающих качеством меткости, оригинальности и неожиданности, а факультативно — качествами эксцентричности, эпатажности и причудливости в разных наборах и комбинациях»¹ [5: 62]. Другой исследователь языковой игры, Б. Ю. Норман, в книге «Язык: знакомый незнакомец» отмечает: «Эстетические задачи, которые ставит перед собой говорящий, могут приводить и к нарушению логических оснований построения текста. Это еще один вид языковой игры» [4: 180]. Близкой точки зрения придерживаются авторы работы «Языковая концептуализация мира» Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев. По их мнению, одна из разновидностей языковой игры основана на том, что «обыгрываются законы построения логически связного текста» [2: 447].

Связь языка и логики изучается с давних времен. Построение логического суждения — это построение связного, доказательного текста с соблюдением законов формальной логики. «Формальная логика есть наука о формах, т. е. структурах, мысли» [6: 9].

В настоящее время возрастает интерес к изучению связи языка, а точнее — речи с паралогикой, под которой мы подразумеваем намеренное отклонение от законов построения логически правильной речи с це-

лью достижения определенного стилистического или иного эффекта. Данный подход предусматривает использование контекстного и логического анализа комических высказываний.

Существует четыре основных закона логики: закон тождества, закон непротиворечия, закон достаточного основания и закон исключенного третьего. Рассмотрим примеры языковой игры в зависимости от закона, который при этом нарушается.

1. В первую очередь рассмотрим случаи языковой игры, основанной на отклонении от закона тождества, который звучит так: «Объем и содержание мысли о каком-либо предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе рассуждения о нем» [Там же: 77]:

Ночью ожидаются небольшие осадки, комары, драки, кражи, маньяки (М. Задорнов. Сводка прогнозов);

Переходность — свойство чувствовать себя уютно без добавки. Характерна для глаголов, собутыльников и рабочих, работающих по аккордно-премиальной системе (Лингвисты шутят).

В обоих примерах обнаруживается силлепсис, стилистическая фигура, состоящая в объединении в перечислительном ряду логически неоднородных членов предложения. Таким образом, в приведенных предложениях содержание мысли о предмете не остается постоянным, как того требует закон тождества. Другими словами, языковая игра здесь заключается в постановке в один синтаксический ряд разнородных понятий, происходит их искусственное сближение, т. е. игра с содержательной стороной слова².

Языковая игра на основе нарушения закона тождества может происходить также за счет реализации одновременно двух значений многозначного слова, т. е. диллогии (в первом примере) или диафоры (во втором примере):

По морде получили? Распишитесь (ЛГ 2010 № 30);

Из двух зол выбирают золу, пригодную для удобрения огорода (ЛГ 2010 № 31).

В этих высказываниях языковая игра осуществляется за счет ненормативной организации семантической связи слов: в первом случае

глагол «получили» одновременно реализует значения «подвергнуться насилию» (за счет связи со словом «по морде») и «взять, принять присланное» (благодаря примыкающему предложению «Распишитесь»); во втором примере эффект обманутого ожидания возникает путем трансформации фразеологизма, вследствие чего «зло» превращается в «золу» за счет омонимичных форм.

В следующем примере мы можем наблюдать своеобразное сочетание силлепсиса и диллогии — зевгматическую конструкцию, в которой взаимосвязанно осуществляется два отклонения от закона тождества:

Днем Пенелопа ткала, ночью порола сотканное, а заодно и сына своего Телемака (Тэффи. Древняя история).

Здесь слово «порола» одновременно реализует значения «разъединять по швам сшитое» и «сечь, бить» [1: 926], поскольку в один синтаксический ряд ставятся слова «сотканное» и «сына».

2. Нарушение логического закона непротиворечия также может быть основой языковой игры. **Закон непротиворечия** формулируется следующим образом: «В процессе рассуждения о каком-либо определенном предмете нельзя одновременно утверждать и отрицать что-либо в одном и том же отношении, в противном случае оба суждения не могут быть вместе истинными» [6: 79]. Рассмотрим следующие примеры:

— А может, муж и жив, — утешил я.

— А если и **жив** — так с голоду **умер** (А. Аверченко. Еще гроб).

Последняя фраза содержит взаимоисключающие утверждения («жив» и «умер»), поставленные в такие отношения, когда одно из них является условием другого, что приводит к явной противоречивости высказываний. Таким образом происходит (как и в случаях с силлепсисом и зевгмой) столкновение в одном высказывании семантически несочетаемых образований, что порождает комический эффект и, следовательно, является языковой игрой.

— А что, Григорий, видал, как люди нынче летать стали?

— Лю-у-ди? Где ж они летают?

— Как где? Да вон, сейчас летел.

— **Барин** летел, а ты говоришь **люди** (Н. Тэффи, «Аэродром»);

Повернись, слышь, давай хоть помечтаем о чем-нибудь **возвышенном**. Например, о том, как мы тебе **пижаму** купим! (М. Задорнов. Убери руки, Василек!).

В этих примерах содержится квазипротиворечие (кажущееся противоречие). В первом случае происходит противопоставление барина человеку: с одной стороны, барин — это и есть человек, и тогда данное высказывание противоречиво, но, с другой стороны, говорящий может не считать барина за нормального человека, и поэтому противоречие снимается.

Второй случай можно объяснить следующим образом: покупку пижамы, конечно, нельзя назвать возвышенной мечтой, и, следовательно, это высказывание несет в себе противоречие. Однако в сознании говорящего понятия «возвышенное» и «пижама» могут быть вполне соотносимы, а значит, с его позиции все абсолютно правильно.

Однако не все отклонения могут привести к языковой игре.

Храм этот сжег Герострат, чтобы прославить свое имя. Но греки, узнав, с какой целью было сделано ужасное преступление, решили в наказание предать забвению имя преступника.

Для этого были наняты специальные глашатаи, которые в продолжение многих десятков лет разъезжали по всей Греции и объявляли следующее распоряжение:

«Не смейте помнить имя безумного Герострата, сжегшего из честолюбия храм богини Артемиды» (Тэффи. Древняя история);

До сокращения штатов было шестнадцать миллионов, а после сокращения штатов стало восемнадцать (М. Задорнов. Если бы я был депутатом).

В приведенных примерах содержится очевидное отклонение от закона непротиворечия, однако здесь противоречивыми являются не значения слов или высказываний, а действия, то есть нарушается логика поступков, можно сказать, что эти примеры не содержат собственно языковой игры, хотя и производят комический эффект.

3. Рассмотрим примеры паралогических приемов, основанных на отклонении от закона достаточного основания, и попытаемся решить, можно ли отнести такие приемы к языковой игре. **Закон достаточного основания** заключается в том, что «в процессе рассуждения достоверными следует считать лишь те суждения, относительно истинности которых могут быть приведены достаточные основания» [Там же: 84].

После долгих споров и пререканий самым умным, красноречивым и самым смелым был признан Дездемонов. В библиотеке записан, пишет прекрасно, с барышнями образованными знаком — значит, умен: найдется, что и как сказать (А. П. Чехов. 25 рублей пропало);

Неправда, идеальным руководителем для нашего народа был Брежнев. Потому что сам пил и другим давал (М. Задорнов. А я все не понимаю...).

В первом примере утверждению, что Дездемонов умный, приводится аргумент «записан в библиотеке», красноречивый — «пишет прекрасно», смел — «с барышнями знаком», и из всего следует вывод, что он «найдется, что и как сказать». Комический эффект связан с тем, что приведенных доводов недостаточно для вывода, сделанного автором: недостаточно быть записанным в библиотеку, чтобы прослыть умным, следовательно, нет **достаточных оснований**, чтобы сказать, что Дездемонов умен и т. д. Происходит отклонение от логической нормы — закона достаточного основания, — **но собственно языковых девиаций в сфере лексики и синтаксиса не наблюдается**. Следовательно, этот текст, демонстрируя комический эффект, не является языковой игрой.

Во втором примере автором делается утверждение, что Брежнев был идеальным руководителем для народа на том лишь основании, что «сам пил и другим давал». Подобный аргумент не является достаточным, а потому выглядит абсурдным, нелепым, дает комический эффект. Однако с точки зрения языка никаких отклонений от нормы ни в плане выражения, ни в плане содержания (семантики) не происходит, то есть нет и языковой игры.

Можно говорить о языковой игре, основанной на нарушении закона достаточного основания,

если это отклонение происходит одновременно с нарушением языковых или речевых норм:

Если барышня любит не вас, а вашего брата, то это братская любовь (А. Чехов. Словотолкователь для барышень).

Здесь автор играет с устойчивым словосочетанием «братская любовь», означающим теплые чувства к кому-то, как к своему брату. Обычную любовь к человеку, являющемуся чьим-то братом, «братской» не называют. Закон достаточно-го основания нарушается (намеренно) путем семантической аномалии, поэтому можно говорить о языковой игре.

4. Закон исключенного третьего возможен лишь при соблюдении законов тождества и непротиворечия: «В процессе рассуждения необходимо доводить дело до определенного утверждения или отрицания, в этом случае истинным оказывается одно из двух отрицающих друг друга суждений» [Там же: 82].

С детства занимаюсь живописью и пишу стихи. Что у меня выходит хуже, трудно решить. Кажется, оба хуже (О. Д'ор. Автобиографии великих, малых и крошечных писателей).

В этом примере герой, от лица которого ведется повествование, задает альтернативу — живопись или стихи — и сам же ее нарушает: «и живопись, и стихи», при этом также образу-

ется некорректное словосочетание «оба хуже»: сравнительная степень прилагательного «хуже» фактически теряет свое значение, ситуативно превращаясь в простое «плохо».

Таким образом, можно говорить о том, что языковая игра может осуществляться на основе отклонений от всех основных логических законов в тех случаях, когда они сопровождаются отклонениями от языковых норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Далее мы будем придерживаться данного определения.
- ² В отличие от авторов книги «Русская разговорная речь» [3], мы считаем, что игра может происходить не только с формой речи (планом выражения), но и с планом содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
3. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
4. Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
5. Сковородников А. П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения: коллективная монография / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2010. С. 46–62.
6. Формальная логика. Л., 1977.

[хроника]

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА — ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ»

(Окончание. Начало на с. 18, 43)

Участники конференции продолжили работу в секциях «Анализ художественного текста», «Язык и культура», «Лингвистические и методические аспекты описания и преподавания русского языка», тематика секционных заседаний была продиктована многогранностью научных интересов А. Д. Вартаньянц.

На заключительном заседании участниками конференции единогласно было принято решение о продолжении сотрудничества и проведении на базе кафедры русского языка МАРХИ

регулярного одноименного семинара с целью расширения научных контактов и интенсификации обмена научными знаниями.

Тезисы докладов были опубликованы в сборнике материалов конференции, который размещен и на странице кафедры русского языка МАРХИ в Интернете.

А. В. Егорова,
ст. преподаватель кафедры русского языка МАРХИ,
секретарь Оргкомитета конференции
«Пространство языка — пространство культуры»